

THE COUNTRY

Written in Mikhailovsky, this poem reflects the beautiful landscape of Pushkin's country estate. The fundamental idea of the necessity of abolishing serfdom was one of Pushkin's primary convictions. It joined him to the ideology of the young officers who, in 1825, led the inept and quickly aborted December Revolution that resulted in the execution of five of the leaders and the lifetime banishment of others to Siberia. When Tsar Aleksandr I learned of the circulation of forbidden poems by Pushkin, he ordered him to send a copy of this poem. Still playing with the idea of ending serfdom, Aleksandr ordered "Pushkin be thanked for his good thoughts."

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижный картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учусь в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанию не внимать толпы непросвещенной,
Участием отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея или глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас;
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,

И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут

Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

1819

The Country

I greet thee, deserted cranny,
Refuge of quietude, of toils and inspiration,
Where flows the invisible current of my days
    In the lap of happiness and oblivion.
I am yours—I have exchanged the depraved court of Circes,
The luxurious feasts, amusements, dissipations,
For the peaceful rustle of oak groves, for the quiet of fields,
For free idleness, the friend of reflection.

    I am yours—I love this dark garden
    With its cool and flowers,
This meadow, studded with fragrant hay-ricks,
Where bright streams murmur in the bushes.
Everywhere before me are lively pictures:
Here I see the azure expanses of two lakes,
Where the sail of a fisherman shines white at times,
Behind them a row of hills and striped cornfields,
    In the distance scattered huts,
Wandering cattle on the moist banks,
Smoky drying-sheds and winged windmills;
    Everywhere traces of contentment and toil.

Here I, freed from the bonds of daily vanities,
Am learning to find bliss truly,
With a free soul to worship law,
Take no note of the unenlightened crowd's mutter,
With sympathy to answer shy entreaty
    And not to envy the fate
Of malefactor or of fool—in their unlawful grandeur.

Oracle of the ages, here I question you!
    In majestic isolation
    More audible is your comforting voice.
    It chases away the sullen sleep of indolence,
    To labors stirs hot zeal in me,
    And thy creative thoughts
    Ripen in the soul's depth.

But a terrifying thought here darkens the soul:
    Amid blossoming crops and mountains
The friend of humanity sadly observes
Everywhere the murderous shame of ignorance.
    Not seeing tears, not hearing groans,
By destiny selected for men's undoing,

Here a savage gentry, without feeling, without law,
Has arrogated to itself with a violent rod
The labor, property, and time of the tiller of the soil.
Bent over alien plough, humbled to whips,
Here an exhausted slavedom plods along the furrows
    Of the implacable proprietor.
Here all drag the ponderous yoke to the grave,
Not daring to nurse in their soul hopes or inclinations,
    Here youthful maidens blossom
    For the caprice of an unfeeling scoundrel.
The dear support of aging fathers,
Young sons, companions of their labors,
From the native cabin go themselves to swell the numbers
Of the manor-house throng of exhausted slaves.
Oh, if my voice but knew how to alarm hearts!
Why in my breast does there burn a barren glow,
And there was not given to me by fate rhetoric's dreaded gift?
Shall I see, oh friends, a nation unoppressed
And slavery fallen by a tsar's wave of the hand,
And above a fatherland of enlightened liberty
Will there arise at last a beautiful dawn?

Translated by Albert C. Todd